

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ РЕЛИГИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Ситко Евгений Александрович

аспирант кафедры истории Беларуси нового
и новейшего времени
Белорусского государственного университета

В статье проанализированы общие характеристики политики Российской империи в сфере религии в конце XIX – начале XX в., освещены роль государственной власти и её цели в религиозной политике, а также сделан вывод об адекватности политики в отношении исповеданий существовавшим вызовам и конкретно-историческим условиям.

Пониманию специфики политики Российской империи в сфере религии способствуют концепции двух американских историков – «конфессиональное государство» Роберта Круза и «институционализация конфессиональных различий» Пола Верта. Первая концепция объясняет взаимосвязь церковной и государственной политики, направленной на укрепление религиозного сообщества и проходит следующие этапы: оживление религиозной веры, построение конфессий (этот процесс представляет собой формирование унифицированных церковно-конфессиональных структур, размежевание церквей и религиозных сообществ) и социальная дисциплинизация (подчинение граждан религиозным нормам) [2, с. 94]. Вторая концепция показывает, что религия и религиозные институты выступают продолжением государственной власти, через которую государство регулирует и дисциплинирует подданных для прививания нравственного поведения, социальной дисциплины и подчинения законам, потому что церковь «доставала» до гораздо большего числа людей, чем само государство [2, с. 94]. Причём управление и дисциплинирование населения империи решались по конфессиональному признаку, посредством институционализации конфессиональных различий между религиозными группами. Поэтому Российская империя в XIX в. обладала аналогом «национальной политики» в виде религиозной политики [2, с. 94].

Общими характеристиками политики Российской империи в сфере религии в конце XIX – начале XX в. (до реформ, начавшихся в 1905 г.) являлись следующие:

- 1) глубокая вовлеченность российского самодержавия в дела религии, более тесное слияние религии и права, чем в других странах [3, с. 18], существование государственной религии (православия), главенство императора над всеми религиозными объединениями в империи [4, с. 13];
- 2) идеологическая приверженность государства православию и христианству, причём православная церковь являлась средством социального дисциплинирования населения, что способствовало усилению также и светской власти на местах [2, с. 94–95], а также фактором обеспечения единства и целостности российской государственности [5, с. 22];
- 3) формирование религиозных административных органов, подчиняющихся центральной власти, которые занимались управлением религиозными сообществами (в т. ч. регулированием семейно-брачных отношений, контролем над соблюдением религиозных обрядов и канонов) [2, с. 94];
- 4) интеграция Русской православной церкви в систему государственного управления и передача ей части государственных функций (например, записи актов гражданского состояния) [5, с. 28];
- 5) одновременное существование строгих законодательных норм в политике в сфере религии и гибкости в их применении в зависимости от политической конъюнктуры, региона и его местных этно-конфессиональных условий [1, с. 44; 6, с. 312, 316];
- 6) создание и поддержание иерархии вероисповеданий с ограничением в правах и, в некоторых случаях, преследованием представителей отдельных религиозных направлений, а

также отрицание возможности внеконфессионального состояния [5, с. 22]; одновременно с этим государство признавало и узаконивало отдельные нормы канонического, брачно-семейного и наследственного права инославных и иноверных исповеданий, учитывало и охраняло некоторые их религиозные интересы [5, с. 22];

7) отсутствие единого документа, определяющего политику государства в сфере религии, вследствие чего каждый правитель проводил её исходя из личного понимания, внутри- и внешнеполитической обстановки [4, с. 9];

8) выполнение законодательством в сфере религии роли регулятора национального вопроса (т.к. конфессиональные границы в основном совпадали с национальными) [4, с. 9] и стремление к ограничению «иностранных» и «иноверных» религий национальными рамками [3, с. 21];

9) непризнание права личности на религиозное самоопределение и запрет на переход из одного исповедания в другое (кроме перехода в православие) [4, с. 9].

Существование такой политики в сфере религии объясняется тем, что официальная политика абсолютизма была направлена на подчинение государственной власти всех сфер общественной жизни [4, с. 8], в т. ч. и религиозной жизни. Подчиняя государственной власти религиозные объединения, государство подчиняло себе и каждую верующую личность (даже в духовной сфере) [4, с. 14]. Также религия являлась средством проведения имперской политики, особенно в национальных окраинах, в т. ч. для усиления влияния титульной нации в социальной, политической, духовной сферах через отстаивание интересов православия как духовной основы русского народа [5, с. 23, 28]. Итогом такой политики было отсутствие в Российской империи свободы совести и свободы деятельности религиозных организаций.

Государственная власть рассматривала свою роль в религиозной политике как покровителя, защитника и законодательного регулятора [2, с. 95]. Параллельно в политике в сфере религии сосуществовали два направления: одно предполагало объединение религиозной жизни подданных под руководством православной церкви, а другое предполагало ограниченную терпимость к тем конфессиям, которые были признаны безвредными для существующего государственного порядка [6, с. 316].

Целями в религиозной политике для самодержавия были:

- интеграция новых народов в состав империи, поддержание религиозного мира и разрешение национальных противоречий среди подданных [5, с. 23] (при одновременном усилении влияния русского народа и православия);
 - контроль религиозных объединений и религиозного положения граждан на местах;
 - поддержание существующих конфессиональных ограничений, поддержка православной церкви;
 - усиление через религию светской власти на местах, а также авторитета государственной власти и единства империи.
- Согласно Своду законов Российской империи, все религии располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений [3, с. 18]:

- 1) православие;
- 2) признанные терпимые исповедания (католическая, протестантские, армяно-григорианская и армяно-католическая церкви, меннониты, баптисты, а также иудаистская, мусульманская, буддистская исповедания и язычники); данная категория внутри себя имела существенные градации по правам и ограничениям для отдельных исповеданий;
- 3) терпимые непризнанные (некоторые секты, старообрядцы);
- 4) непризнанные нетерпимые («изуверные» секты (скопцы и др.)), сама принадлежность к которым преследовалась по закону [3, с. 18–20].

Политика Российской империи в сфере религии не являлась статичной. На это влияло увеличение числа неправославных верующих (перешедших в новые исповедания или вернувшихся в веру предков, а также за счёт присоединения иноверных народов), появление в обществе дискуссии о свободе совести, изменение социально-экономических процессов после реформ 1860–1870-х гг., а также формирование конституционной монархии с 1905 г. и проводимое ею реформирова-

ние законодательства в сфере религии.

Политику Российской империи в сфере религии в конце XIX – начале XX в. следует назвать адекватной существовавшим вызовам и конкретно-историческим условиям. Гибкость и осмотрительность в правоприменении на местах, существование понятных законодательных рамок и специальных органов управления религиями позволяли с большего достигать поставленных целей при относительном религиозном мире в империи. Свобода совести, западная теория о самостоятельности церковной организации и ее независимости от государственной власти не могли быть реализованы в Российской империи в данный период, где главенствовала идея о неразрывности церкви и государства, существование государственной религии и соответствующей иерархии вероисповеданий.

Список использованной литературы

1. Верт, П. Арбитры свободной совести: конфессиональная идентификация и смена веры в России (1905–1917) / П. Верт // Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт. – М., 2012. – Гл. 2. – С. 42–64.
2. Крестьянинов, А. В. Исторические концепции религиозной политики в Российской империи в исследованиях американских историков Роберта Круза и Пола Верта / А. В. Крестьянинов // Балт. гум. журн. – 2013. – № 4. – С. 93–96.
3. Кулиев, Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. / Ф. М. Кулиев // Извест. СОИГСИ. – 2015. – № 15. – С. 14–24.
4. Романовская, Л. Р. Иноверцы в Российской империи: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. Р. Романовская ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижн. Новг., 2006. – 28 с.
5. Сафонов, А. А. Правовое регулирование функционирования религиозных объединений в России в начале XX в. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Сафонов ; Акад. управл. МВД Рос. – М., 2008. – 48 с.
6. Palkin, A. S. Confessional policies of the Russian empire with respect to religious minorities (1721–1905) / A. S. Palkin // Вестн. СПб ун-та. Философ. и конфликтол. – 2018. – Т. 34, вып. 2. – С. 311–320.